

УДК 343.3/7

*М.А. Ефремова, А.А. Шутова, А.А. Никифорова***УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

В статье представлен обзор действующего отечественного законодательства, предусматривающего ответственность за распространение недостоверной информации в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (ст. 207¹ и 207² УК РФ, ст. 13.15 КоАП), проблемы, возникающие в процессе применения указанных норм. Пристальное внимание обращается на наличие в уголовно-правовых нормах ошибок технико-юридического характера, а также на складывающуюся в судебной-следственной практике отраслевую конкуренцию между нормами административного и уголовного законодательства. В статье предпринята попытка исследования элементов составов преступлений, вызывающих наибольшие сложности у правоохранительных органов и специалистов в области уголовно-правовой доктрины. Рассматривается зарубежный опыт противодействия подобным уголовно наказуемым деяниям. Также рассматриваются имеющиеся разъяснения высшей судебной инстанции, опубликованные в период эпидемии, в том числе затрагивающие вопросы юридической оценки преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ. На основе проведенного исследования, в том числе изучения материалов правоприменения, предлагаются меры, направленные на совершенствование действующего законодательства в области противодействия распространению недостоверной информации о коронавирусе и практике его применения.

Ключевые слова: уголовный закон, преступления в период пандемии, обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан, общественно значимая информация, ложная информация, фейковые новости, «эпидемия» фейков.

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-1-81-89

Распространение общественно вредных сведений (в зарубежных странах используется дефиниция «fake news»¹) представляет реальную опасность для общественных отношений в сфере обеспечения общественной безопасности, а также для жизни и здоровья граждан. Учитывая уровень доверия граждан к сведениям, размещаемым в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, передаваемых в различных мессенджерах, распространяемых блогерами, можно полагать, что существует возможность дезинформирования и манипулирования массовым сознанием людей через восприятие ими ложной информации в качестве достоверной.

Влияние на сознание людей через различные источники информации достаточно велико. Деструктивная форма распространения информации может спровоцировать панику среди населения, нанести тем самым моральный и психологический вред, что в целом препятствует принимаемым в отдельно взятом государстве и во всем мире мерам по удержанию стабильности. Мы согласны с Д.И. Садыковой² и Н.А. Ахметьяновой, которые полагают, что опубликование ложных сведений сравнимо с пандемией², что особенно актуально в свете последних событий, произошедших во всем мире.

Во время мировой пандемии, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции, опубликование информации о ложных методиках лечения может причинить вред как здоровью населению, так и жизни отдельного человека³. Так, с момента вспышки заболевания в Китае в сети Интернет сформировался ряд многочисленных теорий относительно появления нового коронавируса⁴. Например, что создание коронавируса профинансировано основателем Microsoft Биллом Гейтсом, желающим заполучить контроль над численностью населения в мире (свыше 200 публикаций в СМИ).

¹ Р.Б. Головкина и А.В. Ходырева указывают, что в России ни в текстах нормативных правовых актов, ни в законодательстве термин «фейк» не употребляется: Головкин Р.Б., Ходырев А.В. «Фейк» как один из факторов риска в праве // *Юридическая техника*. 2019. № 13, С. 142-144.

² См.: Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // *Colloquium-journal*. 2020. № 8. С. 78-79.

³ См.: Neto M., Gomes T. de O., Porto F.R., Rafael R. de M.R., Fonseca MHS, Nascimento J. Fake news no cenário da pandemia de Covid-19. *Cogitare enferm.* [Internet]. 2020 [acesso em “colocar data de acesso, dia, mês abreviado e ano”]; 25. Disponível em: <http://dx.doi.org/10.5380/ce.v25i0.72627>.

⁴ URL: <https://www.interfax.ru/russia/703023>.

У данных теорий появилось достаточно много последователей, что привело к следующим негативным последствиям: к вражде и ненависти по национальному признаку; унижению чести, достоинства и деловой репутации отдельных публичных лиц; уничтожению имущества, в частности, вышек связи с диапазоном 5G и др. Из приведенных примеров видно, как негативно влияет неподтвержденная, но резонансная информация, распространяемая в различных источниках, на охраняемые уголовным законом общественные отношения.

С различными целями злоумышленники стали создавать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения несоответствующей действительности информации в период пандемии. Необходимо отметить, что не все граждане умеют отделять ложную информацию от достоверной, соответствующей действительности. Стоит обратить внимание на мнение зарубежных ученых, которые рекомендуют посещать официальные веб-сайты министерства здравоохранения, в частности Бразилии, на котором указываются на случаи опубликования поддельных новостей в период распространения новой коронавирусной инфекции⁵. Данный факт служит примером безопасного санитарно-эпидемиологического просвещения населения с доведением до них правдивой информации.

В Российской Федерации высшими органами власти было принято решение о противодействии распространению ложных сведений в период эпидемии в стране административно-правовыми и уголовно-правовыми средствами. В КоАП РФ, УПК РФ и УК РФ федеральными законами от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ⁶ и № 100-ФЗ⁷ были внесены поправки, в том числе криминализованы составы преступлений (ст. 207¹ и 207² УК РФ).

Следует обратить внимание на то, что с момента криминализации составов преступлений с 1 по 14 апреля 2020 г. органами предварительного расследования в различных регионах Российской Федерации были проведены процессуальные проверки о наличии в деяниях лиц признаков составов преступлений, а по результатам некоторых из них были возбуждены уголовные дела⁸. В свою очередь на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации опубликованы сведения о том, что в апреле 2020 г. было выявлено 21 преступление по ст. 207¹ УК РФ, а в мае было выявлено 12 подобных уголовно наказуемых деяний.

В связи со сложностью применения правовых норм, в том числе их бланкетностью, 30 апреля 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации опубликовал обзор, в котором были рассмотрены вопросы юридической оценки преступлений, в том числе ст. 207¹ и 207² УК РФ. Однако, по нашему мнению, в данном правовом документе нет ответов на многие вопросы, которые уже возникают у сотрудников правоохранительных органов в процессе правоприменения.

Мы не будем останавливаться на детальном рассмотрении всех признаков состава преступления по той причине, что они уже отражены в работах отдельных ученых⁹. Однако полагаем необходимым остановиться на исследовании тех дискуссионных вопросов, которые появляются в процессе правоприменительной деятельности и связаны с определением некоторых признаков составов преступлений.

Новеллой для уголовного законодательства явился состав преступления, объективные и субъективные признаки которого раскрыты в ст. 207¹ УК РФ. В первую очередь обращает на себя внимание особенность конструирования исследуемой нормы уголовного закона в связи с тем, что, по нашему мнению, в ней наблюдается использование дублирующей терминологии. Объективная сторона состава преступления выражается в распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, при этом в диспозиции уголовно-правовой нормы указывается на наличие способа совершения преступления – *публично*.

⁵ См: Neto M., Gomes T. de O., Porto F.R., Rafael R. de M.R., Fonseca MHS, Nascimento J. Fake news no cenário da pandemia de Covid-19. Cogitare enferm. [Internet]. 2020 [acesso em “colocar data de acesso, dia, mês abreviado e ano”]; 25. Disponível em: <http://dx.doi.org/10.5380/ce.v25i0.72627>.

⁶ Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2020. 3 апр.

⁷ Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 3 апр.

⁸ URL:<https://sledcom.ru/news/item/1455351/>

⁹ См.: Бимбинов А.А. Уголовная ответственность за распространение коронавируса // Уголовный процесс. № 5 (185). 2020. С 52-61.

В статьях Особенной части УК РФ достаточно составов преступлений, которые совершаются таким способом, как публичность. В некоторых составах, предусмотренных УК РФ, конкретизирован способ совершения преступления в виде распространения сведений: в публичном выступлении; в публично демонстрируемом произведении; в средствах массовой информации; в информационно-телекоммуникационных сетях (ч. 2 ст. 128¹, ст. 137, 185³ УК РФ), в других случаях (ст. 163, 179 УК РФ) использована иная формулировка «распространение сведений», которая подразумевает всевозможные способы реализации умысла виновного. При этом в нормах УК РФ нежно проводить отличие между «распространением сведений» и действиями, совершаемыми «публично». В Толковом словаре русского языка под публичным понимается «внешнее окружение, в условиях которого совершаются какие-либо действия, открытость, доступность, способность быть воспринимаемым и неопределенным кругом лиц (общественный)»¹⁰.

В связи с вышеизложенным полагаем, что в статьях Особенной части УК РФ при формулировании составов преступлений и описании их признаков достаточно использовать термин «*распространение информации*», понимаемый как выраженное в любой форме (устно, письменно, с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей) предоставление сведений вне зависимости от признаков субъекта и его отношения к двум или более лицам, являющимся получателями сведений.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что диспозиция уголовно-правовой нормы содержит в себе значительное количество оценочных категорий, которые не имеют официального определения. Соответственно, следует говорить о том, что в процессе правоприменения неизбежно возникнет необходимость использования специальных познаний в области лингвистики и привлечения специалистов. Проведенное нами изучение опубликованных решений судов позволяет утверждать, что достаточно часто судебная инстанция вслед за позицией следствия самостоятельно определяет характер распространяемой информации в части ее достоверности или ложности, суды без привлечения к участию лингвиста наделяют себя полномочиями по определению направленности высказанной фразы на распространение информации под видом достоверной. Именно поэтому мы полагаем, что проведение лингвистической экспертизы по данной категории дел является необходимым.

Отдельного внимания заслуживает субъект данного преступления. Согласно положениям нормы, субъект преступления – общий, а именно, лицо, обладающее признаками, указанными в ст. 19 и 20 УК РФ. Однако к уголовной ответственности может быть привлечен не только автор ложной информации, но и иное лицо, которое занималось ее последующим распространением, в том числе «репостами» записей в социальных сетях.

С точки зрения субъективной стороны следует отметить, что преступление характеризуется виной в форме прямого умысла. Именно поэтому сотрудникам правоохранительных органов следует доказывать, что лицо, распространившее недостоверную информацию, осознавало общественную опасность совершаемого им *публичного* противоправного поведения, что характер сведений является ложным, не соответствующим действительности, как и указанные сведения об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, а также желало эти действия совершить.

Кроме этого, возникают вопросы по поводу отграничения ст. 207¹ УК РФ от достаточно схожих по элементам состава правонарушения – чч. 9, 10 ст. 13.15 КоАП РФ. По нашему мнению, разграничение составов правонарушения и преступления следует провести в связи с их схожестью по элементам состава, о чем свидетельствует и складывающаяся практика, которая демонстрирует, что одно и то же деяние может быть квалифицировано в одних случаях по нормам уголовного закона, а в других – по КоАП РФ.

К примеру, *жительница Верещагино была привлечена к ответственности в виде административного штрафа в размере 30 тыс. руб. по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ за то, что на своей странице в социальной сети опубликовала пост о том, что к гражданам приходят медицинские работниками с сотрудниками полиции, людям следует отказываться от сдачи тестов, так как все они являются*

¹⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М., 1999. С. 631.

зараженными. Подобная информации, по ее мнению, является достоверной, так как «...родная сестра моего Вити работает в "скорой"»¹¹.

Для вменения ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ достаточно факта распространения сведений в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях. В Обзоре № 1 указывается, что следует понимать под публичным характером распространения информации: использование СМИ, информационно-телекоммуникационных сетей, выступление на собрании, митинге, распространение листовок, вывешивания плакатов и т.п.¹². Соответственно, состав преступления, закрепленный ст. 207¹ УК РФ, поглощает административно-правовую норму в связи с тем, что понятие «публичное распространение» является более широким понятием, чем «распространение сведений в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях». Именно поэтому провести отличие по объективной стороне составов правонарушений, по нашему мнению, не представляется возможным.

Следует обратить внимание на критерий, который, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, необходимо использовать для их разграничения. В Обзоре № 1 говорится о том, что для инкриминирования состава преступления необходимо установление целей и мотивов совершаемых действий, представляющих реальную опасность общественной безопасности. Однако суд отказался указать на конкретный перечень мотивов, которые должны быть установлены в процессе расследования по уголовному делу, указав при этом, что мотивы могут быть различными, к примеру, внутреннее побуждение спровоцировать панику среди населения, нарушить правопорядок. По нашему мнению, подобное разъяснение представляется достаточно дискуссионным, не соответствующим духу уголовного закона и его основополагающим принципам. Являясь элементами состава преступления, цель или мотив влияют на квалификацию, в том числе на разграничение составов преступлений и административных правонарушений, в том случае, если прямо указаны в законе. В данном случае цель или мотив в качестве обязательных признаков субъективной стороны в ст. 207¹ УК РФ не закреплены, соответственно, влиять непосредственно на квалификацию они не могут. В связи с этим сложно согласиться с мнением А.А. Бимбинова о том, что «мотив и цель ... наряду с формой вины играют роль в отграничении данного преступления от административных проступков, ответственность за которые предусмотрена ч. 9, 10 ст. 13.15 КоАП»¹³.

Необходимо отметить, что нормы административного законодательства об ответственности за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений были включены в КоАП РФ в марте 2019 г. задолго до появления пандемии коронавируса в мире. Спустя год законодатель включает запрет на совершение аналогичных действий, но уже в уголовный закон, что влечет за собой появление спорных вопросов в правоприменительной деятельности.

В связи с вышесказанным, учитывая возникшую отраслевую конкуренцию между нормами права и высокую степень общественной опасности уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, прежде всего вызванной распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 г. в России, предлагаем привлекать граждан к уголовной ответственности по ст. 207¹ УК РФ только после их привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. Подобное предложение позволит устранить отраслевую конкуренцию и обеспечит более эффективное и грамотное правоприменение.

Кроме этого, предлагаем декриминализировать ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ в связи с тем, что состав данного правонарушения сконструирован как материальный и требует наступления общественно опасных последствий. Однако ч. 2 ст. 207² УК РФ также позволяет применять меры уголовно-правовой репрессии к лицам, виновным в распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, если это деяние повлекло по неосторожности при-

¹¹ URL: <https://59.ru/text/incidents/69353134/>

¹² Обзор № 1 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Официальные документы. 2020. № 18-19.

¹³ Бимбинов А.А. Уголовная ответственность за распространение коронавируса // Уголовный процесс. № 5 (185). 2020. С 52-61.

чинение тяжких последствий. Таким образом, для устранения дублирующего состава правонарушения полагаем необходимым декриминализировать ч. 10 ст.13.15 КоАП РФ.

Кроме того, определенный интерес вызывает складывающаяся практика признания административных правонарушений, связанных с распространением фейковых новостей, в качестве малозначительных и последующее прекращение подобных дел. *К примеру, Ф.М. Газданова в группе «Секретная Группа» разместила недостоверные сведения о первом подтвержденном случае диагностирования новой коронавирусной инфекции в РСО-Алания, при этом первый подтвержденный случай был зафиксирован менее чем через сутки после размещения указанного аудиосообщения в сети «Интернет». Однако учитывая то, что в своем сообщении Ф.М. Газданова призывала к соблюдению требований самоизоляции в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, суд пришел к выводу о том, что ее действия, несмотря на наличие состава вменяемого административного правонарушения, не причинили вред общественно-охраняемым интересам¹⁴.* В результате дело было прекращено. Стоит обратить внимание на тот факт, что суды, вынося решение о прекращении дела, внимание обращают на то, в чем выражено создание угрозы причинения общественно вредных последствий; на наличие доказательств характера распространяемых сведений, что они являются общественно значимыми, а также что лицо заведомо осознавало (до момента доведения их до сведения другого лица или других лиц) их недостоверность.

Важным при исследовании состава преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, является установление характера распространяемых сведений. Указанные сведения должны относиться к «обстоятельствам, представляющим угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств».

Учитывая специфический характер распространяемой информации, следует указать, что подобные сведения достаточно различны по своему характеру. Так, их можно подразделить на информацию следующих видов.

1. О принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий. В качестве примера судебной практики следует привести следующий факт: *гражданин М. опубликовал сведения в сети «ВКонтакте» о заражении коронавирусом гражданина в поликлинике Курортного района Петербурга, указав, что его направили в специальный бокс и отпустили из поликлиники добираться на общественном транспорте без принятия мер безопасности. М. также указал, что с больным в контакт вступали медицинские работники и пациенты, а заведующего отделением заставили написать заявление на увольнение по собственному желанию. Однако подобные сведения оказались заведомо недостоверными, в результате чего 2 апреля 2020 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 207¹ УК РФ¹⁵.*

2. О фактах, касающихся распространения массовых заболеваний (причины возникновения, количество заболевших и пр.). Так, в *Новгородской области возбуждили уголовное дело из-за публикации в интернет-издании о том, что 30 заключенных колонии в поселке Топорок якобы заболели COVID-19¹⁶. Также в Башкортостане возбуждено дело из-за распространения в социальных сетях информации о том, что руководство больницы им. Г.Г. Куватова через окно покинуло медучрежде-ние, закрытое на карантин из-за выявления вируса у нескольких пациентов¹⁷, а в Тверской области местный житель распространил ложные сведения о том, что в клинической больнице №7 в Твери большая смертность от COVID-19, но для транспортировки умерших якобы выделяется определенное количество мешков¹⁸.*

Большинство ложных сообщений распространяется через социальные сети. В частности, *Прокуратура Южного административного округа г. Москвы утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении гражданина, который, используя социальную сеть и один из каналов*

¹⁴ URL: https://promishlenni--wlk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15535379&delo_id=1500001&new=&text_number=1&fbclid=IwAR0pNIwdCXIsVISAuclr6dTvbMokATnitkLzCac_8lQy1xGvaVGEPcm-UhE

¹⁵ URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/227029470>

¹⁶ URL: <https://ria.ru/20200410/1569871088.html>

¹⁷ URL: <https://ria.ru/20200413/1569976066.html>

¹⁸ URL: <https://kurer-sreda.ru/2020/04/13/538266-avtora-fejka-o-meshkax-dlya-transportirovki-tel-umershix-ot-koronavirusa-i-urovne-smertnosti-ishhet-sk-v-tveri>

«YouTube», публично распространил видеоролики, содержащие заведомо ложные сведения о том, что инфекционное заболевание COVID-19 в действительности является иной болезнью, в группу риска заболевания которой входят лица определенных национальностей, в другом – приведены сведения, что у граждан массово изымают внутренние органы и в последующем их продают, говоря, что эти меры направлены на борьбу с коронавирусом¹⁹.

Аналогичным образом в другой социальной сети «ВКонтакте» 2 апреля 2020 г. пользователь В.В. разместил заведомо ложную информацию о том, что курсантов, которые болеют COVID-19, заставляют выполнять утреннюю зарядку, тогда как заболевших в училище на тот момент не было²⁰; также в Telegram администратором Telegram-канала «Сорокин хвост» А.В.П. 10 июня 2020 г. опубликовано сообщение о том, что определенная организация намеренно заражает население COVID-19 с помощью adeptов-смертников, в связи с чем был вынесен обвинительный приговор Богородским городским судом Нижегородской области в отношении данного гражданина²¹.

Следует обратить внимание на то, что в УК РФ установлена ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации (ст. 207² УК РФ).

В первую очередь обращает на себя внимание имеющаяся в тексте уголовно-правовой нормы оценочная конструкция категории «общественно значимая информация», разъяснение которой в законодательстве и в судебной практике отсутствует. Следует исключить возможные ситуации, когда под такую информацию могут быть отнесены любые сведения, которые правоприменители признают общественно значимыми. Возникают вопросы о том, стоит ли определять её в качестве общественно значимой или нет; учитывать определенную сферу деятельности, которая может быть затронута, или субъект Российской Федерации, на территории которого произошло деяние, или социальный статус потерпевшего и т.д.? Представляется, что использование подобной категории в тексте правовой нормы ограничивает реальное применение ст. 207² УК РФ в связи с тем, что она выступает максимально оценочной.

Действующему законодательству известно понятие «ложная общественно значимая информация». Так, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²² говорится о том, подобная информация «создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи».

При этом в ч.10.2 ст. 13.15 КоАП РФ закреплены меры ответственности за «распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшей смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи».

Кроме того, вызывает ряд дискуссионных вопросов использованная в диспозиции уголовно-правовой нормы формулировка «под видом достоверных сообщений». Указанные размышления связаны с тем, что дефиниция «заведомо ложная информация», по нашему мнению, уже подразумевает данный факт. Подобное умозаключение подтверждается законодательной конструкцией иных уголовно-правовых норм. Так, применительно к ст. 128¹ УК РФ использована при описании характера распространяемых сведений конструкция «заведомо ложные сведения».

С точки зрения момента окончания анализируемый состав является материальным, именно поэтому преступление считается оконченным в момент наступления общественно опасных последствий

¹⁹ URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1853988/>

²⁰ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4321646>

²¹ № дела 1-194/2020 https://bogorodsky-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r&vnkod=52RS0011&srv_num=1&delo_id=1540006&delo_table=u1_case&u1_case__JUDICIAL_UIDSS=52RS0011-01-2020-001313-64

²² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.

в виде причинения вреда здоровью человека, смерти или иных тяжких последствий. Соответственно, на правоохранительные органы возлагается бремя доказывания причинно-следственной связи между публичным распространением заведомо ложной общественно значимой информации и наступившими в результате по неосторожности негативными последствиями, что, на наш взгляд, повлечет значительные трудности в процессе правоприменения.

Характер наступивших последствий является оценочной категорией, так как законодатель их не раскрывает, потому их установление становится задачей правоприменительных органов. В связи с этим возникают резонные вопросы относительно характера причиненного вреда. Каков должен быть характер причиненного вреда здоровью человеку? Достаточно ли причинения легкого вреда здоровью для вменения оконченного состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ? Несомненно, в Российской Федерации уголовно наказуемыми являются причинение тяжкого вреда здоровью и смерти по неосторожности. За причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности уголовной или административной ответственности не предусмотрено. Также представляется важным раскрыть и конкретизировать, о каком вреде, причиняемом здоровью, говорится в ст. 207² УК РФ. Несомненно, стоит обращать внимание и на то, что причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности не влечет уголовной ответственности для лица по причине отсутствия состава преступления. В связи с этим причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности как наступившее последствие от общественно опасного деяния позволяет обнаружить в действиях лица состав преступления.

Вновь возникает проблема с применением нормы, содержащей такое оценочное понятие, как «тяжкие последствия». А.Г. Кибальник к «иным тяжким последствиям» относит возникновение массовых волнений и беспорядков; нарушение мер, принятых для обеспечения безопасности населения и территорий; дезорганизацию работы предприятий, учреждений и организаций (не обязательно государственных)²³.

Для определения содержания понятия «тяжкие последствия» применительно к данной уголовно-правовой норме предлагаем обратить внимание на ч.10.2 ст. 13.15 КоАП РФ, которая закрепляет меры ответственности за «распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшее смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи». В данной норме указан и конкретизируется характер наступивших общественно опасных последствий в отличие от уголовного законодательства. Однако исходя из основополагающих принципов уголовного закона следует констатировать, что аналогия закона запрещена, именно поэтому нам не следует ссылаться при оценке характера наступивших негативных последствий на административное законодательство. Поэтому предлагаем закрепить в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ вопросы юридической оценки содеянного, раскрыв содержание понятия «тяжкие последствия».

Интерес вызывает и субъективная сторона рассматриваемого состава преступления. Исходя из законодательной конструкции состава следует говорить о неосторожной форме вины. Однако любопытным представляется нам позиция Верховного Суда Российской Федерации по этому вопросу, который в п. 12 Обзора №2 указал, что лицо действует с прямым умыслом.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы сделать несколько выводов:

во-первых, нормы уголовного права, направленные на противодействие распространению фейковой информации, нуждаются в совершенствовании. Однако стоит обратить внимание на то, что некоторые новеллы отечественного уголовного законодательства характеризуются поспешностью конструирования и явной непоследовательностью. Косвенно данное умозаключение подтверждается тем, что уже в первый месяц действия законов Верховный Суд Российской Федерации дважды предпринял попытки разъяснить сложные вопросы, которые могут возникнуть в процессе правоприменения;

во-вторых, расположение в УК РФ правовых норм (ст. 207¹ и 207² УК РФ) косвенно создает ощущение их высокой общественной опасности, иногда рассматривая сообщение, отправляемое с

²³ Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41-44.

использованием приложения WhatsApp, в качестве угрозы национальной безопасности, что является достаточно дискуссионным;

в-третьих, быстрая трансформация отечественного уголовного законодательства в период распространения новой коронавирусной инфекции привела к возникновению отраслевых конкуренций с административным законодательством. Для их устранения предлагаем декриминализировать ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ, оставив меры ответственности за подобное деяние в ч. 2 ст. 207² УК РФ. Кроме этого, предлагаем привлекать граждан к уголовной ответственности по ст. 207¹ УК РФ только после их привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ;

в-четвертых, для облегчения процесса правоприменения следует конкретизировать, о каком вреде здоровью говорится в диспозиции ст. 207² УК РФ. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, наступившее как последствие в результате совершения общественно опасного деяния, позволяет говорить о наличии в действиях лица признаков состава преступления;

в-пятых, необходимо внести изменения в п. 12 Обзора №2 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), указав, что для инкриминирования состава преступления, признаки которого закреплены в ст. 207² УК РФ, характерна неосторожная форма вины;

в-шестых, следует отказаться от использования в диспозиции ст. 207¹ УК РФ формулировки «под видом достоверных сообщений» в связи с тем, что так как «заведомо ложная информация» уже подразумевает под собой данный факт.

Поступила в редакцию 22.09.2020

Шутова Альбина Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
отдела научных исследований
Ижевский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
426008, Россия, г. Ижевск, Заречное шоссе, 23
E-mail: iji-nauka@mail.ru

Ефремова Марина Александровна, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия
420088, Россия, г. Казань, 2-я Азинская, 7а
E-mail: crimlaw16@gmail.com

Никифорова Алена Анатольевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородская академия МВД России
603144, Россия, г. Нижний Новгород, шоссе Анкудиновское, 3
E-mail: luckyalenka@rambler.ru

M.A. Efremova, A.A. Shutova, A.A. Nikiforova

**CRIMINAL LIABILITY FOR THE DISSEMINATION OF FALSE INFORMATION
DURING THE PANDEMIC: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE**

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-1-81-89

This publication provides an overview of the current domestic legislation providing for responsibility for the dissemination of false information in the conditions of the pandemic of a new coronavirus infection (COVID-19) (Articles 207¹ and 207² of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 13.15 of the Administrative Code), problems arising in the process of applying these norms. The authors pay close attention to the existence of technical and legal errors in criminal law norms, as well as to the existence of sectoral competition between administrative and criminal laws in forensic practice. The present article attempts to study the elements of the corpus delicti that cause the most difficulties among law enforcement agencies and specialists in the field of criminal law doctrine. In addition, attention is paid to foreign experience in countering such criminal acts. The scientific study also reviews the available explanations of the

highest court published during the epidemic, including those affecting the legal assessment of crimes under Art. 2071 and 2072 of the Criminal Code. Based on the research carried out, including the study of law enforcement materials, measures are proposed to improve the existing legislation in the field of combating the dissemination of inaccurate information about coronavirus and its practice.

Keywords: criminal law, crimes during the pandemic, circumstances that pose a threat to the life and security of citizens, socially significant information, false information, fake news, fake epidemic.

Received 22.09.2020

Shutova A.A., Candidate of Law, Senior researcher at Research Department
Izhevsk branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of justice of Russia)
Zarechnoe highway, 23, Izhevsk, Russia, 426008
E-mail: iji-nauka@mail.ru

Efremova M.A., Doctor of Law, Associate Professor,
Professor at Department of theory and history of state and law
Kazan branch of the Russian State University of Justice
7a, 2 Azinskaya st., Kazan, Russia, 420088
E-mail: crimlaw16@gmail.com

Nikiforova A.A., Candidate of Law, Senior lecturer at the Department of criminal and criminal Executive law
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
Ankudinovskoe highway, 3, Nizhny Novgorod, Russia, 603144
E-mail: luckyalenka@rambler.ru